

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 8

УВЕРТЮРА

Династия 15

АКТ ПЕРВЫЙ. ИЗ СОЛИСТОК — В ПРИМЫ

Школа и класс 31

Кармен. От мечты до памятника. До мечты 49

Рождение балерины 51

Тень Улановой 61

Кармен. От мечты до памятника. Вначале была Майя 75

«Лебединое озеро» как оружие 80

Вива Испания! 101

Кармен. От мечты до памятника. Алонсо 111

Укрощение стихии 115

АКТ ВТОРОЙ. ПЕРВАЯ БАЛЕРИНА

Характер 133

Кармен. От мечты до памятника. Репетиции 148

Сталин и другие вожди 151

Кармен. От мечты до памятника. Музыка 178

Экспортный вариант 183

Кармен. От мечты до памятника. Художник 203

Три «Спартака» 207

Кармен. От мечты до памятника. Кармен 217

Хозяйка Медной горы 225

Кармен. От мечты до памятника. Хозе 242

Драма в кино 246

Кармен. От мечты до памятника. Тореро 262

Вечная женщина	265
Кармен. От мечты до памятника. После премьеры	279
Сама себе хореограф	288

АКТ ТРЕТИЙ. БЕЗ БОЛЬШОГО (НО ВСЕГДА С НИМ)

В погоне за новым	307
Кармен. От мечты до памятника. «Карменизация» всей страны	321
«Майя». Годы странствий	328
Кармен. От мечты до памятника. Памятник	344

КОДА

Легенда	349
Летопись	361
Благодарности	371
Литература	373

ОТ АВТОРА

Как рождалась эта книга

Февраль 2020 года, я бегу по центру Мюнхена, спешу из пресс-центра в отель «Байришер Хоф», где проходит Международная конференция по безопасности. В Мюнхене я не первый раз и знаю, что даже в самом центре здесь есть маленькие тихие улочки, на которых не чувствуется дыхания бурного мегаполиса и жизнь как будто замерла. Как раз по такой я и бегу. Слышу русскую речь, но не торможу: русский язык в центре Мюнхена, да еще в дни конференции, — в этом нет ничего удивительного. Краем глаза отмечаю: индивидуальная экскурсия, женщина-гид и двое мужчин средне-молодого возраста. И вдруг слышу: «А в этом доме живут Майя Плисецкая и Родион Щедрин. Там на дверях табличка с их именами». Резко останавливаюсь и, хотя у меня нет привычки встречать в чужой разговор, а уж тем более в чужую экскурсию, говорю: «Извините, ради бога, но, знаете, Майя Михайловна... умерла несколько лет назад». Экскурсовод смотрит на меня печально и как будто укоризненно: «Да, но в наших сердцах она всегда жива». Убегаю посрамленная, а на обратном пути подхожу к двери: действительно, в списке имен напротив квартирных звонков — Майя Плисецкая, Родион Щедрин. Послезавтра я приду в эту квартиру, чтобы сделать интервью с Родионом Константиновичем для книги о выдающемся белорусском хореографе Валентине Елизарьеве. Елизарьев еще студентом ставил балетные номера на музыку Щедрина, а его первой работой в Большом театре Беларуси (да, в Минске театр тоже Большой) стала «Кармен-сюита» (намеренно другая, чем у Альберто Алонсо), и — для предстоящего интервью это главное — он ставил хореографию для экспериментального телевизионного фильма-балета «Фантазия», в котором играла и танцевала Майя Плисецкая.

Родион Константинович, впуская меня в квартиру, скажет, что интервью он сейчас не дает, но «для Валечки» (именно так называла Елизарьева Майя Михайловна) сделает исключение, и минут двадцать

у меня есть. Мы проговорили полтора часа — о «Фантазии», о балете и, конечно, о Майе. Я осторожно задавала личные вопросы — о характере Майи Михайловны и про их любовь. Ответы вы найдете в этой книге.

Когда издательство АСТ предложило мне написать книгу о Майе Плисецкой, я испугалась: о ней ведь столько написано! Знаменитый советский композитор Микаэл Таривердиев вопрошал на страницах газеты «Известия»: «Как мне писать о Майе Плисецкой? О ней уже столько написано, сказано, снято, рассказано — она будто так и появилась на свет: пуанты, туника, прославленная сцена Большого. Будто не было школьных бантиков, ученичества, робости первых па». Он задавался этим вопросом — «как мне писать о Майе Плисецкой?» — еще в 1985 году, а ведь сколько всего написано с тех пор! Да и сама она написала о себе две книги, разве можно сказать что-то новое? Писать о Плисецкой после Плисецкой — это, конечно, вызов. Но я люблю вызовы. Так значит?.. Значит, да — я решилась и решила, что попробую подойти к этой книге по-другому. Ведь я не балетный, музыкальный или театральный критик, я журналист. И поэтому мой подход будет именно журналистским. Большинство написанных ранее книг о великой балерине — монологи: в них слышен только голос автора. А я люблю многоголосие, и в этой книге вы услышите голоса тех, кто с Майей Михайловной работал, общался, дружил: я поговорила не только с Родионом Щедриным и Валентином Елизарьевым, но также с Борисом Акимовым, Юрием Владимировым, Михаилом Лавровским, Людмилой Семянкой, Наталией Касаткиной, Борисом Мессерером, Виктором Барыкиным, Валерием Лагуновым, Сергеем и Еленой Радченко и другими.

Но одних интервью будет мало, понимала я. И поэтому подолгу сидела в Российской государственной библиотеке искусств (РГБИ) на Большой Дмитровке, совсем рядом с памятником Плисецкой, — там хранятся все (или почти все) публикации о великой балерине, которые были в газетах и журналах, начиная с первой в 1941 году. Эти публикации — слепок времени (вернее, времен), в котором Плисецкая жила и творила: читая их, видишь, как менялся не только язык ее интервью и написанных (подписанных?) ею статей, но и ее взгляды. Хотя, возможно, на самом деле они не менялись, но не всегда балерина, как и многие другие деятели советской культуры, да и простые советские люди, имела возможность высказать вслух то, что думает. В девяностые эту возможность получили все. Именно благодаря публикациям в СМИ я поняла, что моя книга будет портретом

Майи Михайловны на фоне эпохи. Вернее, разных эпох, ведь ей довелось прожить в нескольких. И она блистала во всех.

Другой адрес моих поисков — музей Большого театра. Там огромных папок с фамилией «Плисецкая» пять или больше. И кроме публикаций (их там тоже много), в них хранятся брошюры и буклеты, приказы по театру, программы балетов и творческих вечеров — чтение не менее занимательное, чем подшивки старых газет.

И, конечно, книгу о Плисецкой, в которой было бы что-то новое, невозможно написать без работы в архивах. В архиве Театрального музея имени А. А. Бахрушина у меня то и дело дрожали руки, когда я доставала из белых конвертов записные книжки Майи Михайловны, подмечая, что человек она, скорее всего, несистемный: начала тетрадь или записную книжку, заполнила страниц пять, от силы десять, и бросила. Потом начала новую, и опять: пять-десять страниц заполнены, тетрадь брошена. Но какое счастье, что они, эти едва заполненные тетради и книжки, сохранились! Сохранились и сохранили движение ее руки и сердца, порывы души и бури эмоций (а там действительно много бурь). Время, которое я провела с этими документами, было настоящим писательским счастьем. Открытия, на мой взгляд, случились, и, прочитав эту книгу, вы узнаете, какие страсти, надежды и сомнения бушевали в душе Майи Плисецкой, как доходила она порой до отчаяния, и как продолжала верить в лучшее. И всегда — всегда! — боролась. Надеюсь, многие вещи вы увидите с нового ракурса. Я увидела.

Когда я решила писать эту книгу, уже знала, что нас с Майей Михайловной связывает мой родной город Гомель: здесь родились наши отцы. И сама я родилась и окончила школу в Гомеле. Бабушку Плисецкой по папе в девичестве звали Сима Израилевна Марковская, мою — Елизавета Марковна Марковская. Вряд ли мы родственники, но совпадение, признаюсь, меня впечатлило. И обязало.

Вы наверняка замечали, что, когда входите в какой-то проект, или, когда еще только задумались о нем и отправили запрос во Вселенную (да-да, я знаю, как это звучит, но элементы магического мышления живут почти в каждом), эта самая Вселенная начинает подбрасывать подсказки, а иногда и ответы на сложные вопросы. Важно видеть, слышать, сопоставлять и, конечно, верить (без веры — никуда).

Не так давно я писала сценарий документального мини-сериала «Ледоколы войны». И когда проводила интервью на ледоколе «Красин», мне подарили кусочек старой палубы: историческую как раз меняли.

Именно на ней восьмилетняя Майя впервые танцевала под музыку из оперы «Кармен» Жоржа Бизе, еще не зная, что и танец, и «Кармен» станут ее судьбой. Если вы верите в знаки, то поймете: это были они. Кусочек палубы «Красина» — прямоугольник из тикового дерева — лежал у меня на столе все время, пока я работала над книгой.

...Я стала балетоманкой (еще не зная этого слова), когда мне было пять. Родителям, гостившим в это время в Киеве, неудобно было оставлять меня с родственниками, и я пошла с ними на «Жизель». Они волновались: как я высижу? А я и не высидела — выстояла: как встала при открытии занавеса, так и на поклонах не села. Мама рассказывала, что папа все толкал ее локтем: мол, посмотри, посмотри, Инесса-то, Инесса! На всю жизнь у меня сохранилась программа того балета, где папиной рукой написано: «Первый балет, который смотрела Инесса» и дата с августом 1975 года. С тех пор я пропала: смотрела все балеты по телевизору и вживую, если они приезжали в Гомель. Приезжали не часто, выступали под фонограмму, иногда она заедала. Моя любовь к балету оказалась на всю жизнь. Но танцевать я не хотела никогда. Вернее, танцевать очень любила, но к балету это отношения не имело. Сходила один раз в танцевальный кружок Дворца пионеров, где оказалось, что вместо прекрасных танцев нужно стоять у какой-то палки перед зеркалом и — ногу от себя, к себе, руку вверх, спину прямо... Нет, это не для меня: лучше я буду смотреть, а не работать вот так. Майя Михайловна частенько говорила, что была ленивой. Вспоминая свой короткий танцевальный опыт, я всегда улыбалась, когда встречала эти ее слова в интервью.

Все мое детство и юность я точно знала, что лучшая балерина на свете — Майя Плисецкая. Легенда! Недосягаемая! Самой большой мечтой тогда было увидеть ее не только по телевизору. Мечта сбылась в 1990-е, когда я работала в Риге, а там гастролировала группа артистов Большого театра. Я видела, как Плисецкая танцует «Айседору», поставленную для нее Морисом Бежаром. Если бы тогда мне, затаившей дыхание, кто-нибудь сказал, что через много лет я буду писать книгу о Плисецкой, наверное, рассмеялась бы: разве такое возможно? На самом деле возможно и не такое.

По результатам социологического опроса, который специально для этой книги провели в Институте социальных наук Сеченовского университета, абсолютное большинство опрошенных (86,8%) никогда не были на спектакле с участием Майи Плисецкой, но 76,3% хотели бы

такой спектакль увидеть. Записи спектаклей с ее участием, отрывки из них, фильмы-балеты сейчас доступны в Интернете, но, как говорили мои собеседники, они не всегда передают ощущение волшебства, которое возникало на сцене, когда Майя танцевала. Магия Плисецкой — особая история. О ней — балетной, человеческой и женской — вы тоже прочитаете в этой книге.

Один из важнейших вопросов для любого автора, начинающего писать о легендарной личности, — как эту книгу выстроить? Чисто биографически — родилась, училась, пришла в театр, вышла замуж, стала всемирно знаменитой? Скучно: именно биографий Плисецкой написано несколько. Есть ли смысл снова возвращаться к хорошо известному? Кстати, по результатам социологического опроса, лишь 15,3% респондентов ничего не знают о Майе Плисецкой, ее имя известно 50,9% опрошенных, а 34,2% знают о ней достаточно много.

Когда я писала о Валентине Елизарьеве, вопроса о том, как составить книгу, не было: мне с самого начала было понятно, что ее нужно выстраивать по балетам, которые он поставил. Получилась творческая биография, а еще история про природу творчества — как рождается балет. Но это хореограф, с артистами — другая история. Да и на чисто творческую биографию я не замахивалась, ведь, как вы помните, я журналист, а не балетный критик. Лишь одному балетному соблазну не смогла противиться: «Кармен-сюита». Я решила рассказать об этом балете — между прочим, первом, поставленном специально для Майи, на нее, имевшем для нее особенное значение и смысл, — настолько подробно, насколько это возможно. Я поговорила с его создателями — Родионом Щедриным, Борисом Мессерером, Сергеем Радченко, Натальей Касаткиной и Виктором Барыкиным, который сегодня трепетно сохраняет «Кармен-сюиту» и переносит на другие сцены. Их рассказы составили параллельную историю в этой книге — историю про главный Майин балет.

Я решила сделать главы в книге о Плисецкой тематическими: вот, например, «Лебединое озеро» и «Лебедя» объединяет не только «птичья» тема, но и политические события: как она танцевала «Лебединое», когда ее не выпустили на гастроли в Великобританию, и это было протестом, как танцевала «Лебедя» на гастролях в США в день убийства сенатора Роберта Кеннеди, с которыми был то ли флирт, то ли начало романа, и это было скорбью. Я объединила этих лебедей в одну главу.

Думала о том, как назвать главу об отношениях Майи и Щедрина. Сначала назвала просто «Любовь», ведь это была (и осталась навсегда) именно она — настоящая, живая, трепетная, несмотря на неверие окружающих, слухи и мрачные прогнозы. Но потом... чем больше я разговаривала с людьми, которые видели их отношения на протяжении многих лет, и читала, тем больше убеждалась: Родион Константинович оказался, пожалуй, единственным, кто сумел укротить стихийную Майю. И мне показалось правильным назвать эту главу «Укрощение стихии».

Еще я подумала, что в книге о Плисецкой нельзя обойтись без Испании — страны, которая прошла через всю Майину жизнь: и «Дон Кихот», и «Лауренсия», и, конечно, «Кармен-сюита». И балет в Мадриде, художественным руководителем которого она была несколько лет. Так появилась глава «Вива Испания!».

На самом деле в жизни Майи Михайловны много было такого, без чего нельзя обойтись: ее отношения с Юрием Григоровичем, например — от любви до ненависти. Или отношения с Галиной Улановой — другой великой балериной, имя которой гремело на весь мир. «Если за границей говорят о советском балете, произносят два имени: Галина Уланова и Майя Плисецкая». Как они относились друг к другу, как — такие разные — уживались на одной сцене? Если отвечать коротко, то по-разному, иногда очень сложно, а подробный ответ найдете в главе «Тень Улановой».

Самой сложной для меня главой в книге стала та, что о взаимоотношениях Плисецкой с властью. Но ее нельзя было избежать: дочь репрессированного отца, она подписывала коллективные письма с одобрением политики партии (но в эту партию так и не вступила), также она много писала о том, как КГБ не пускал ее за границу и отравлял жизнь, но при этом дружила семьями с генералами этого ведомства... Я переписывала эту главу несколько раз, понимая, как важно остаться в позиции наблюдателя и давать читателю факты и только факты, а он сам будет решать, как их интерпретировать. Это мой журналистский подход: я вам — факты, вы себе — выводы.

Самый главный вывод, который я сделала, разговаривая с людьми, знавшими Майю Михайловну близко, глядя записи ее спектаклей, читая ее и о ней: она — единственная в своем роде. Другой такой не будет.

Счастлива, что прикоснулась.

УБЕРТЮРА

ДИНАСТИЯ

Если бы рыжая девочка Майя, ставшая всемирно известной балериной, выбирала семью, в которой нужно родиться, вряд ли она сделала бы выбор лучше.

По линии мамы Майя была из Мессереров. Дед Михаил Борисович (Мендель Беркович) был из Вильно, там родились четверо его детей, в том числе и мама Рахиль (благодаря этому после распада СССР Майя Плисецкая и Родион Щедрин получают литовское гражданство). Дерзость и неготовность мириться с существующими границами (и в прямом смысле тоже) — отсюда, из семьи: дед Михаил, выучившись на зубного врача, вырвался из еврейской черты оседлости и в 1904 году перевез семью в Москву. Как вспоминал потом внук Михаила Борисовича Азарий Плисецкий, «Священное Писание увлекало деда куда больше, чем работа. Именами любимых библейских героев он нарекал своих детей. Так в семье появились Азарий, Маттакий, Рахиль, Асаф, Суламифь, Эммануил, Элишева и Аминадав. Каково им придется с такими именами в России, деда не беспокоило».

Мессереры были очень театральной семьей. Азарий (взавший псевдоним Азарин) стал известным артистом, служил в Московском художественном и Малом театрах. Его называли мастером перевоплощения, он был очень популярен, даже пробовался на роль Ленина в фильме «Ленин в Октябре». Но сыграть вождя мирового пролетариата не успел: умер от неожиданной остановки сердца в день, когда ему исполнилось 40. Потом Рахиль в память о нем называет своего младшего сына. Драматической актрисой стала и Элишева (выступала под именем Елизавета).

Асаф Мессерер тоже мечтал о театре. Но не о драматическом, как брат, а о танцевальном. И долго не решался сказать о своей мечте отцу: тот, конечно, был поклонником театра, но чтобы сын стал артистом балета... Решиться Асафу помогла старшая сестра Рахиль, сказав, что если есть мечта, то к ней нужно идти. И Асаф в очень поздние для балета 16 лет пошел учиться в хореографичес-